

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

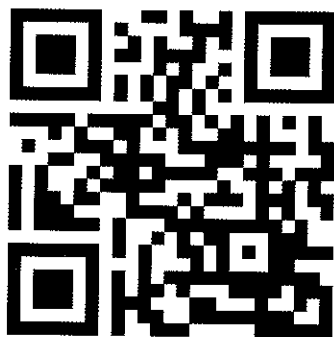
www.review.uz

Стратегии в бизнесе и экономике | № 7 (164) 2013

Вопросы-ответы по ПДД

Новая рубрика
стр. 76

Присылайте свои
вопросы в рубрику
на страницу «ЭО»
в Фейсбуке
[facebook.com/ecoboz](https://www.facebook.com/ecoboz)

Продовольственная
безопасность

IP-видеонаблюдение

Рынок холодного чая

ISSN 2091-5128

4 780090 010016

Владимир Попов,
профессор Высшей школы международного бизнеса РАНХиГС,
почетный профессор Российской экономической школы.*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

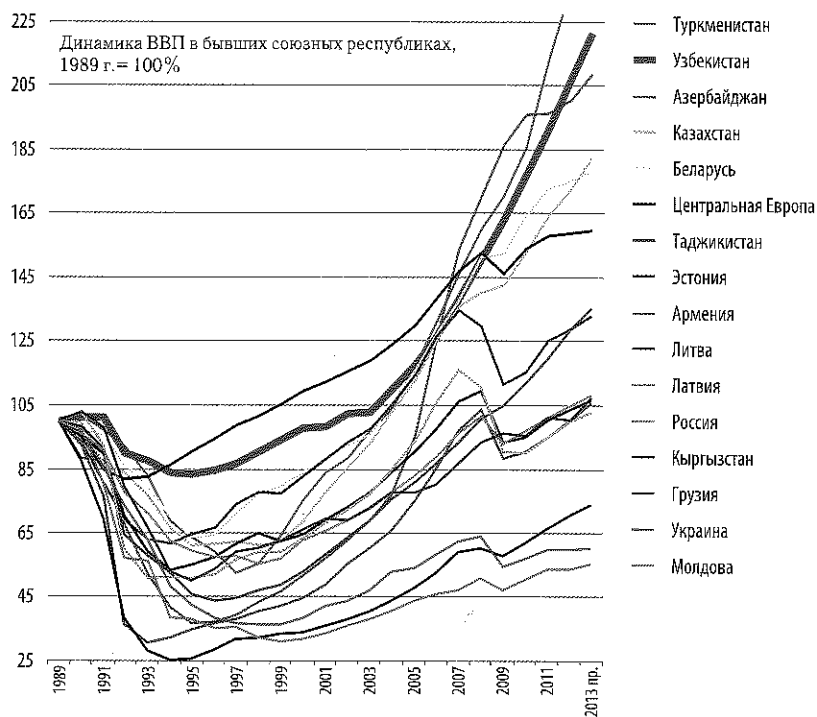
Как Узбекистану
удалось то, что не
удалось ни одной
постсоветской
экономике

Теперь уже и забылось, как в 90-е годы либеральные экономисты — наши и зарубежные — доказывали, что переходные экономики растут тем быстрее, чем больше либерализация, приватизация и демократизация, что Прибалтика поэтому впереди планеты всей, а Средняя Азия безнадежно отстает. Время заставило на многое взглянуть по-другому.

*Полный вариант статьи готовится к публикации в Журнале Новой экономической ассоциации (<http://journal.econorus.org/>). Мнения, высказываемые в статье, отражают только личную точку зрения автора и не обязательно совпадают с позицией организаций, с которыми автор сотрудничает.

Рисунок 1. Узбекистан лучше других стран СНГ преодолел последствия распада СССР и быстрее других добился высоких темпов экономического роста

Источник: EBRD Transition Reports за разные годы

Сегодня в экономическом соревновании выигрывают не экономически либеральные и демократические режимы, а Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Беларусь (см. рис. 1). В Узбекистане ВВП в 2012 году составил более 200% от уровня допереходного 1989 года — это лучший показатель в бывшем СССР (за исключением Туркменистана) и Восточной Европе. Это даже больше, чем рост ВВП в странах-передовиках капиталистического строительства — Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии. По этому показателю Узбекистан уступает лишь еще двум азиатским переходным экономикам — Китаю и Вьетнаму.

Примечательно, что и кризис 2008–2009 годов Узбекистан практически не затронул. В то время как в Прибалтике производство упало на 15–20%, а в Армении, Венгрии, Молдове, России, Словении, Украине — на 8–15%, в Узбекистане темпы роста едва снизились — с 9% в 2008 году до 8 в 2009-м.

Да, значительную роль в экономическом успехе сыграли благоприятные условия торговли. Цены на газ, хлопок, золото — важные статьи узбекского экспорта — в 2002–2010 годах выросли в 4 раза. Но ведь Россия, да и многие другие нефтеэкспортеры, не смогли «превратить» благоприятную внешнюю конъюнктуру в быстрые темпы роста. Узбекистан не является крупным экспортером топлива и энергии (а в советское время был нетто-импортером), хотя и добился за годы независимости энергетической самообеспеченности и стал чистым экспортером.

Сказать, что внешние условия уж очень благоприятствовали Узбекистану, язык не поворачивается. Узбекистан не просто не имеет выхода к морю, но и является одной из двух стран в мире (вторая — Лихтенштейн), соседи которых тоже выхода к морю не имеют.

Либерализации нет, рост есть

Экономические успехи Узбекистана совсем не укладываются в традиционную мудрость вашингтонского и даже поствашингтонского консенсуса, в соответствии с которой, чем больше экономическая либерализация и открытость экономики, тем выше рост.

Еще в 1998 году Дж. Зеттелмейер в статье, озаглавленной «Загадка узбекского роста»¹, удивлялся, как это нелиберализованный Узбекистан сумел избежать глубокого трансформационного спада. Он заключил, что «Узбекистан наверняка добился бы еще большего при более благоприятных условиях для создания частных предприятий, стимулах для частного производства для сбыта, особенно в хлопководстве».

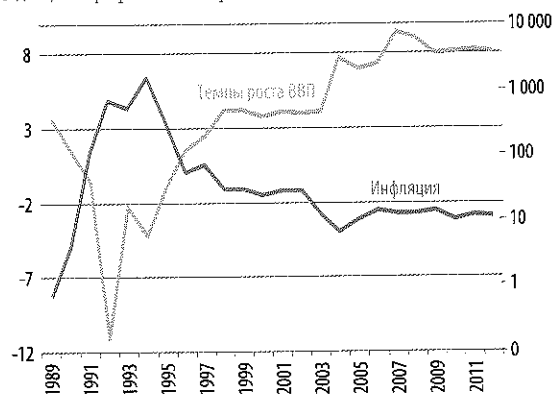
Альтернативный анализ² показывает совсем другое. Ключевым фактором спада в переходных экономиках была несостоятельность государства (government failure), а не несостоятельность рынка (market failure): именно коллапс государственных институтов и неспособность правительств предоставить традиционные общественные блага — от гарантий контрактов до охраны собственности, от сбора таможенных пошлин до обеспечения правопорядка — вызвали падение производства. Быстрое дерегулирование подрывало институциональный потенциал государства, так что от него было больше вреда, чем пользы. В тех же странах, где государство осталось более или менее дееспособным, экономическая динамика оказалась лучше.

Экономическая политика со знаком качества

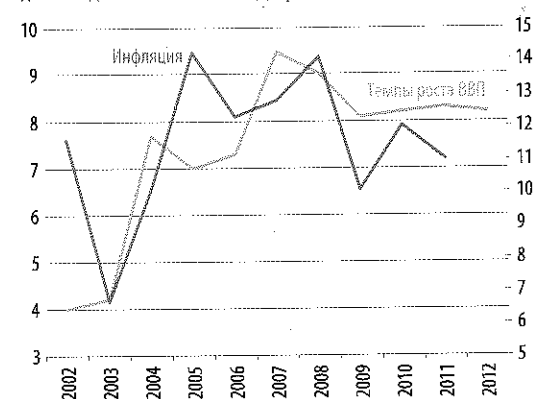
Да, в Узбекистане, как и во всех постсоветских странах, была высокая инфляция в на-

Рисунок 2. Умеренная инфляция не является проблемой. А попытки Узбекистана свести инфляцию к минимуму в 2004 и 2010 годах способствовали подавлению экономического роста

Темпы роста ВВП (% , левая шкала) и инфляции (ИПЦ в %, дек. к дек., логарифмическая правая шкала)

Темпы роста ВВП (% , левая шкала) и инфляции (ИПЦ в %, дек. к дек. со сдвигом влево на 1 год, правая шкала)

Источник: EBRD

чале 90-х годов, но с тех пор макроэкономическая ситуация улучшилась (см. рис. 2.1). Инфляция с 1998 года не превышает 15% даже по альтернативным оценкам. МВФ и Всемирный банк считают, что инфляция занижена (индекс цен считается узбекским Госкомстатом с текущими весами, а не с постоянными), но и альтернативные оценки не намного выше³.

Если проблема с инфляцией и есть, то состоит она не в том, что она высока, а в том, что власти могут поддаваться давлению международных финансовых институтов

и действительно решить, что главная задача — борьба с инфляцией. В прошлом такое случалось в 2004 и в 2010 годах, что неизменно сопровождалось ограничением роста (см. рис. 2.2).

Между тем, зависимость между инфляцией и ростом отрицательная, только когда инфляция превышает 20%. А до этих значений, при относительно умеренной инфляции, действует обычная кейнсианская положительная зависимость, описываемая кривой Филлипса, — шоки совокупного спроса ведут сначала, в первые 18 месяцев, к изменению выпуска, а потом к изменению цен («пар уходит в свисток»)⁴.

Финансовые позиции правительства очень прочны. Консолидированный государственный бюджет сводится с профицитом вот уже более 10 лет, причем профицит достиг в 2008 году, перед кризисом, 10% ВВП (в 2012-м — 2). Государственный долг снизился с 59% в 2001 году до 9% в 2012-м, внешний долг в последние годы составляет всего 10–12% ВВП.

А в отношении валютного курса Узбекистан избрал весьма удачную политику, как и Китай. После валютных кризисов в Азии (1997 год), России и других переходных экономиках (1998 год) Узбекистан в 2000–2001 годах сильно девальвировал свою валюту, а затем снижал курс постепенно вровень с национальной инфляцией, так что реальный курс постепенно обесценивался.

Платежный баланс сводится с профицитом, валютные резервы с 2004 до 2012 годы выросли с 5 до 15 месяцев импорта, не считая более 5 млрд. долл. в Фонде реконструкции и развития, который был создан в 2006 году⁵.

Но самое главное и удивительное — способность Узбекистана за всего лишь 20 лет в корне поменять структуру экономики, избавиться от монокультурной зависимости от хлопка, добиться продовольственной и энергетической самообеспеченности и

диверсифицировать экономику в сторону промышленности, машиностроения и химии.

Обозреватели отмечают, что Узбекистан сознательно заимствовал многие черты корейской модели. Действительно, Узбекистан, как и Корея ранее,

В странах, где государство осталось дееспособным, экономическая динамика оказалась лучше

использует такие инструменты промышленной политики, как импортные пошлины, налоговая поддержка экспортеров, заниженный валютный курс. Но не одна Корея использовала эти инструменты, и на нее Узбекистан похож мало. Отраслевая структура экономики формировалась в стране после достижения независимости отнюдь не корейскими, а зачастую более прямолинейными плановыми методами.

Во-первых, правительство через фактически обязательный госзаказ стало сокращать производство хлопка, увеличивая площади под зерновые, овощи и картофель (см. рис. 3). Производство хлопка снизилось с 6 млн. тонн в 70–80-е годы до немногим более 3 млн. тонн сегодня, доля хлопка в экспорте упала с более 50% до менее 10%. Сегодня Узбекистан экспортирует примерно столько же продовольствия, сколько и импортирует.

Во-вторых, Узбекистан за годы независимости достиг энергетической самообеспеченности. При этом энергоёмкость узбекского ВВП снизилась в 2 раза, так что Узбекистан превратился в чистого экспортера газа.

В-третьих, Узбекистан поддерживал свою промышленность и оказался единственной страной

постсоветского пространства, в которой выросла доля промышленности в ВВП и доля машиностроения и химии в структуре самой промышленности (см. рис. 4). Была создана практически «с нуля» конкурентоспособная автомобильная промышленность, которая стала одним из движителей национального роста. В 2011 году начал работать завод автомобильных двигателей в Ташкенте с проектной мощностью 360 тыс. двигателей в год.

Живительная сила протекционизма

За счет чего Узбекистан достиг диверсификации экономики? Многие скажут, за счет протекционистской защиты внутреннего рынка и поддержки отечественных экспортеров против иностранных конкурентов. Так-то оно так, но это лежащий на поверхности и обманчиво простой ответ. Многие страны использовали протекционизм и импортозамещение, но немногим удалось кардинально диверсифицировать экономику в сторону отраслей высокой степени обработки.

СССР периода индустриализации, Латинская Америка и Индия до 90-х годов, развивающиеся страны социалистической ориентации — все эти государства и регионы практиковали именно протекционистскую импортозамещающую промышленную политику, стараясь обеспечить экономическую независимость. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же — созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но которые рассыпались, как карточные домики, при первом столкновении с иностранной конкуренцией.

Импортные пошлины, налоговую поддержку экспортеров, заниженный валютный курс использовали многие развивающиеся экономики, но не все добивались изменения структуры промышленности

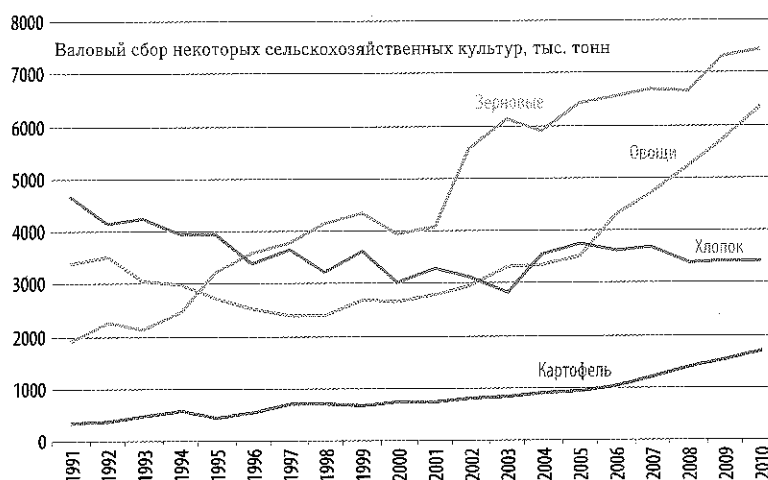
А вот в странах Восточной Азии — Японии, Южной Корее, Тайване, Китае, многих странах АСЕАН — протекционизм оказывался очень результативным. Под защитой протекционистских барьеров возникали не индустриальные динозавры и мастодонты, а эффективные и конкурентоспособные предприятия. Недавние исследования формулируют условия, при которых протекционистские меры и другие рычаги промышленной политики могут быть успешными⁶.

Первое требование к успешной промышленной политике состоит в том, что она **должна быть экспортноориентированной**. Таможенная или прочая защита отечественных производителей

обязательно должна дополняться поощрением экспорта, тогда это и называется экспортноориентированной промышленной политикой. А без поощрения экспорта протекционизм ведет только к импортозамещению. На первом этапе это нормально — вновь созданные производства начинают конкурировать с импортом прежде всего на национальном рынке, но с определенного момента, если не экспортировать продукцию, начинается загнивание.

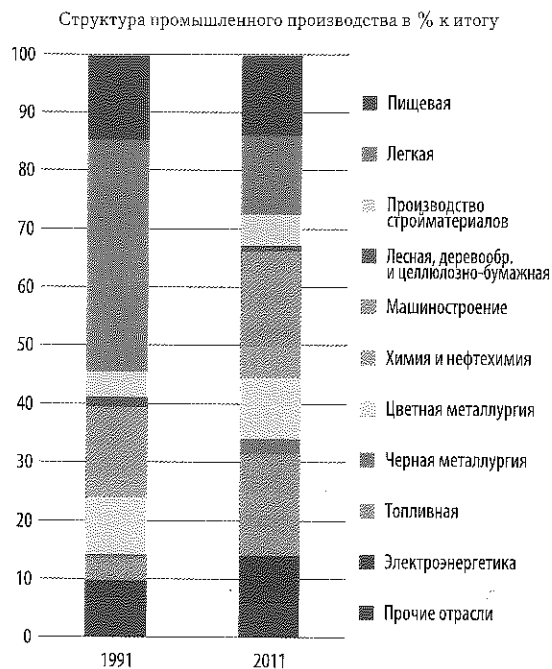
Экспортная ориентация — это политика, тоже призванная создать новые отрасли, возможно и «с нуля», но которые непременно должны стать конкурентоспособными не только на национальном, но и на мировом рынке. Если эти

Рисунок 3. Структура сельскохозяйственного производства Узбекистана за 20 лет стала сбалансированной

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>)

Рисунок 4. За 20 лет доля машиностроения и химической промышленности в общем объеме промышленного производства существенно возросла

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>)

отрасли не смогут экспортировать продукцию по истечении определенного срока поддержки, то эта поддержка прекращается. Такая политика проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже в странах ЮВА и Китае и привела к впечатляющим результатам.

Второе требование успешной промышленной политики состоит в том, что **не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию — внешнюю выгоду**. Экстерналия возникает тогда, когда общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью. Собственно говоря, именно такая политика, нацели-

вающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Японии, Кореи, Китая, а теперь и Узбекистана.

Экспортная ориентация «без дураков»

В Узбекистане промышленная политика как раз и проводится с упором на экспортную ориентацию. После российского валютного кризиса 1998 года произошла резкая девальвация узбекского сума, а с 2001 года проводится постепенная плавная девальвация, примерно теми же темпами, что и инфляция. Так что реальный курс сума к доллару ежегодно даже чуть-чуть снижается (за счет 2-процентной инфляции в США). В итоге производство несырьевых товаров оказывается конкурентоспособным и все больше ориентируется на экспорт.

Больше того, с 1998 года в Узбекистане были отменены все экспортные пошлины, а с 2004 года для предприятий-

Под защитой протекционистских барьеров возникали не индустриальные динозавры и мастодонты, а эффективные и конкурентоспособные предприятия

экспортеров всех форм собственности установлен порядок уплаты налога на прибыль, имущество и единого налогового платежа в зависимости от доли экспорта товаров собственного производства за свободно конвертируемую валюту в общем объеме реализации.

При доле экспорта от 15 до 30% установленные ставки налогов

снижаются на 30%, а при доле экспорта от 30 и более процентов установленные ставки налогов снижаются на 50%.

Указанные льготы не распространяются на торговло-посреднические предприятия, а также на производственные предприятия, экспортирующие сырьевые товары — хлопковое волокно, хлопчатобумажную пряжу, нефть, нефтепродукты, газовый конденсат, природный газ, электроэнергию, драгоценные, цветные и черные металлы.

Низкий курс валюты и «некосметические» налоговые льготы — это серьезная, «не понарошку», политика стимулирования экспорта, которая в других переходных экономиках отсутствует. Можно сколько угодно говорить о том, что надо экспортировать готовые изделия, а не сырье, но если весомых стимулов к этому нет, то призывы, так и останутся призывами. В Узбекистане же слов о стимулировании экспорта готовых изделий говорят мало, а делают много.

Экспортерами не рождаются, а становятся. Если налоги для экспортеров готовых изделий в 2 раза ниже, то и экспортировать стремятся все — даже в ущерб продажам на внутреннем рынке. Так, производителей с самого начала ориентируют на мировой рынок, на самые передовые образцы продукции и самые продвинутые стандарты качества,

так создается конкурентоспособное в мировом масштабе производство.

Экспорт за 20 лет независимо вырос более чем в 6 раз, а с 2002 года торговый баланс сводится с растущим профицитом (см. рис. 5). Доля хлопка в экспорте упала с 65% в 1992 году до 9 в 2012-м, тогда как доля топлива (в основном газа) и нефтепро-

дуктов выросла с 4 до 38%, доля машин и оборудования — с 2 до 7%, доля продукции химической промышленности — с 6 до 9% (см. рис. 6). В импорте же продовольствие замещалось машинами и оборудованием: доля продуктов питания в 1992–2012 годах упала с 43 до 10%, а доля машин и оборудования повысилась с 10 до 46 (см. рис. 7)⁷.

Доля несырьевых товаров в общем объеме экспорта в 2012 году составила более 70% против менее 30 в 1990 году⁸. При этом доля дальнего зарубежья в экспорте выросла с менее 40% в 1992 году до более 60 в 2012-м⁹.

Сегодня возвышение Узбекистана и малолиберализованных экономик на постсоветском пространстве не заметит лишь тот, кто не хочет видеть. Появились статьи о новой среднеазиатской модели государства, нацеленного на развитие (developmental state)¹⁰. По словам Терри Маккинли, «неортодоксальная политика Узбекистана сработала вполне успешно, благодаря чему страна смогла благополучно преодолеть трудности раннего этапа переходного периода, достичь уверенных темпов экономического роста к концу 90-х годов и в значительной степени реструктурировать экономику в целях большей энергетической и продовольственной независимости.

Реструктуризация экономики позволила Узбекистану избежать многих негативных эффектов продовольственного и нефтяного кризиса середины 1998 года и мирового финансового кризиса и рецессии 1998–1999 годов.

Согласно многочисленным показателям экономического развития, а также в сравнении с другими странами с низким уровнем доходов, Узбекистан относительно успешно преодолел два десятилетия переходного периода. Однако

Рисунок 5. Экспорт Узбекистана за 20 лет вырос в 6 раз. С 2002 года торговый баланс сводится с растущим профицитом

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>)

Рисунок 6. Доля хлопка в экспорте Узбекистана составляет 9% против 65% в 1992 году. Промышленность стала основным производителем экспортных товаров

Источник: Министерство внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан

Промполитика должна быть экспорто-ориентированной и поддерживать только тех производителей, которые оказывают наибольший эффект на всю экономику

Рисунок 7. Основная статья импорта в Узбекистан — машины и оборудование. В недалеком 92-м в структуре узбекистанского импорта 43% занимало продовольствие

Источник: Министерство внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан

эти достижения все еще остаются для многих ортодоксальных экономистов загадкой, портящей настроение»¹¹.

Узбекистан сегодня идет по пути Японии, Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга и становится вровень с Китаем и Вьетнамом — сильный качественный рост, основанный на экспорте готовых изделий и диверсификации экономики. Не-

многим странам удается такое. Так что, возможно, через 10–20 лет будут писать статьи об узбекской модели экономических и структурных реформ, позволившей догнать восточноазиатских драконов и тигров.

Примечания:

¹Zettelmeyer, Jeronim (1998). *The Uzbek Growth Puzzle*. IMF Working paper 98/1330 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp98133.pdf>).

²В. В. Попов. «Шокотерапия против градуализма 15 лет спустя: почему динамика производства в странах с переходной экономикой была неодинаковой». — «Вопросы экономики», № 5, 2007; «Шокотерапия против градуализма: конец дискуссии». — «Эксперт», 21 сентября 1998.

³МВФ оценивал инфляцию в 2012 году в 11% против 7 (World Bank Group — *Uzbekistan Partnership: Country Program Snapshot*. March 2013 (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Uzbekistan-Snapshot.pdf>).

⁴См. подробнее: В. В. Полтерович. «Снижение инфляции не должно

быть главной задачей политики правительства». — Записка в правительство РФ, 2 апреля 2006 г.; В. В. Попов. «Стратегии экономического развития». — М., Изд-во «ГУ — Высшая школа экономики», 2011, гл. 1.

⁵Фонд сочетает в себе функции стабилизационного фонда и фонда развития. В него направляется часть централизованной выручки от экспорта, а расходуются средства отчасти на вложения в долговые обязательства западных стран и отчасти на кредиты для импорта по национальным проектам развития. Так что валютные доходы, попадая в Фонд, стерилизуются, то есть не ведут к росту денежной массы, как происходит, когда они пополняют валютные резервы Центрального банка (БЕЕВА, 2011. *Investment Climate Statement — Uzbekistan. 2011 Investment Climate Statement*. BUREAU OF ECONOMIC, ENERGY AND BUSINESS AFFAIRS. March 2011, <http://www.state.gov/e/eb/rls/othr/ics/2011/157382.htm>).

⁶См. обзор: В. В. Попов. «Больше протекционизма! Торговли! Роста! Нетрадиционный взгляд на экспортную ориентацию и экономическое развитие». — *Политический журнал*, № 15 (110) / 24 апреля 2006 г.; В. В. Попов. «Технология экономического чуда». — «Прогнозис», № 2(6), 2006.

⁷Trushin, Eskender and Francisco G. Carneiro (2013). *Changing for the Better: The Path to Upper-Middle-Income Status in Uzbekistan*. *Economic Premise*, No. 119, June 2013.

⁸Пресс-релиз Министерства иностранных дел Республики Узбекистан (http://mfa.uz/rus/pressa_i_media_servis/press_relizi/osnovnie_pokazateli_mgr)

⁹Госкомстат (<http://www.stat.uz/rows/>).

¹⁰Stark, Manuel; Ahrens, Joachim (2012). *Economic reform and institutional change in Central Asia: Towards a new model of the developmental state?* — PFH Forschungspapiere/Research Papers, PFH Private Hochschule Göttingen, No. 2012/05.

¹¹McKinley, Terry (2010). *The Puzzling Success of Uzbekistan's Heterodox Development*. — *Development Viewpoint*, Number 44, January 2010. Centre for Development and Policy Research, School of Oriental and African Studies.

«Узбекистан относительно успешно преодолел два десятилетия переходного периода. Эти достижения все еще остаются для многих ортодоксальных экономистов загадкой, портящей настроение»

Терри Маккинли,
директор Центра политических разработок и исследований по вопросам развития, Великобритания